

Владимир Внук

Nomen Mysticum

Владимир Константинович Внук “Nomen mysticum” («Имя тайное»)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11250842

Аннотация

Действие романа происходит в мае 1692 года на территории Белой Руси, входившей в состав Речи Посполитой, в Мирском замке, под Минском. Главный герой романа – Владислав Славута, шляхтич из древнего, но захудавшего православного рода – расследует убийство служанки княгини Радзивилл, и одновременно вспоминает прожитую жизнь. Анализируя события, свидетелями которых он был, Славута испытывает противоречивые чувства: он всю жизнь воевал за польскую корону, но на закате своей жизни приходит к выводу, что в будущем Речь Посполиту ожидает неминуемый распад, а русские земли Великого Княжества Литовского воссоединятся с Россией. Сюжет произведения вымышлен, но большинство персонажей являются реальными историческими лицами.

Внук Владимир Константинович

Nomen mysticum

Глава I. На Мир опустилась ночь

Заходящее солнце проникало через цветные стёкла, вправленные в витые оловянные рамы, отражалось в многочисленных зеркалах, искрилось на бронзовых подсвечниках, играло яркими красками на шпалерах, блестело всеми цветами на выложенных кафлей печах, сверкало на начищенном до блеска паркетном полу. Звуки гулких шагов отдавались под сводчатыми потолками, рассыпались в многочисленных коридорах, утопали в густых турецких коврах.

Ещё совсем недавно эти стены видели шумные застолья на тысячу гостей, сотни столов, на которых стояли гигантские кубки венецианского стёкла, в котором рубином сверкало выдержанное вино, громоздились горы из куропаток, зайцев, перепелов. Всего несколько дней назад через центральную браму проходили торжественные проезды в сопровождении сотен гайдамаков, местный костёл Святого Миколая еле мог вместить светских магнатов и князей церкви Речи Посполитой, от салютов из дюжины пушек на замковых бастионах содрогалась земля, а орудийный грохот разносился за несколько миль вокруг.

Но в тот майский день одна тысяча шестьсот девяносто

второго года в резиденции Радзивиллов собрался лишь узкий круг родственников. В малой трапезной в центре стола сидели новобрачные – ординат Несвижский и Олыкский, князь Кароль Станислав Радзивилл и княжна Ганна Катажина Сангушко. Жених, молодой человек с немного одутловатым лицом, в основном молчал, бокал за бокалом потягивая красное венгерское вино. Невеста, немного худощавая, с вечно опущенными ресницами красавица, избегала смотреть на окружающих. Юная княжна несколько лет провела в варшавском кляштере сакраменток, и, казалось, совсем растерялась от танцев, скромной еды и томной итальянской музыки.

Напротив новобрачных сидела подруга невесты, Барбара Сапега, племянница великого гетмана литовского Казимира Яна Павла. По праву считающаяся одной из первых красавиц Литвы, она имела привычку смотреть на окружающих чуть свысока. Вздёрнутый нос на веснушчатом лице и пухлые губы говорили о добродушном характере, однако внешнее очарование портил кинжальный взгляд светло-серых холодных глаз. Барбара ела и пила немного, больше слушая то, что говорили другие, и лишь изредка вставляя короткие реплики.

Рядом с Барбарой сидели сын здравствующего короля Речи Посполитой Якуб Собесский, флегматичный молодой человек с тонким, по-женски красивым лицом, обрамлённым длинными чёрными кудрями, и его супруга, нейбургская принцесса Гедвига Эльжбета Виттельсбах, немного полная,

как большинство баварок.

Слева от Якуба сидела ещё одна супружеская пара – принц Нейбургский, пфальцграф Бранденбургский Карл III Фридрих Виттельсбах, высокий, подтянутый красавец, и княжна Людвиг Каролина Радзивилл, владелица княжеств Слуцкого и Копыльского, графств Себежского и Невельского, стройная, с тонкими изящными чертами лица, большими выразительными глазами, само воплощение хрупкой женственности. Супруги, прибывшие накануне из Гайдельберга, избегали смотреть на окружающих, чему имелись веские причины.

Десять лет назад Людвиг Каролина, самая богатая невеста Речи Посполитой, отказала в руке Якубу Собесскому. Раздражённый поведением княжны, король Ян Собеский решился на беспрецедентный поступок: на вальном сейме в Гродно он попытался конфисковать имения княжны в пользу государственной казны. Великий гетман литовский Сапега не замедлил с ответным ударом – по просьбе княжны он расположил в её владениях собственные хоругви. Речь Посполита в очередной раз оказалась у пропасти кровопролитной междоусобицы. Перед лицом неминуемого конфликта с магнатами Великого Княжества Литовского король был вынужден отступить, ограничившись лишь филиппиками в адрес княжны.

Непросто складывались отношения Людвики Каролины и с несвижскими Радзивиллами: покойный Михаил Кази-

мир, планируя наложить руку на гигантские владения своего кузена Богуслава Радзивилла, составил поддельное завещание, согласно которому в случае замужества племянницы за представителем иного семейства всё её состояние должно было перейти к князю Несвижскому. Обман раскрылся, несвижский ординат был обвинён в подлоге, но усилиями обеих сторон скандал был замят. Тем не менее, даже после смерти Михаила Казимира этот инцидент отравлял и без того непростые отношения между двумя ветвями могущественного рода Радзивиллов

Единственной, кто участвовал в свадебном веселье от всего сердца, была мать жениха, княгиня Катажина Радзивилл, вдова несвижского ордината Михаила Казимира и родная сестра Яна Третьего, Божьей милости короля Польского, великого князя Литовского, Русского, Прусского, etc, избавителя Европы от турецкой угрозы. Эта мужеподобная женщина с тяжёлым характером и непомерным властолюбием пять лет назад вернулась в Несвиж из варшавского монастыря, куда удалилась после ссоры с королевой Речи Посполитой Марией Казимирой д'Аркьен. Сейчас пожилая княгиня буквально упивалась шумом, праздничной суетой, обилием вина и пищи.

Разговор шёл на польском и немецком языках – то было время, когда в устах князей уже почти не звучала русская речь, когда на месте старинных православных церквей литовские магнаты возводили новые латинские костёлы, когда

польская шляхта насаждала свою власть в русских землях, в случае восстаний пряталась за стенами замков, а во избежание возможного проклятия давала своим отпрыскам при крещении вторые, тайные имена...

Разговор шёл о далёкой Италии, куда молодая чета Радзивиллов планировала отбыть после улаживания всех хозяйственных дел.

– В Болонье мы не были уже больше десяти лет, – не отрывая взгляда от стола, говорил юный князь. – Управляющий просит денег. Может быть, придётся отремонтировать дворец. Надо будет пожить там немного, осмотреться.

Старая княгиня сотворила крестное знамение – с болонским дворцом Радзивиллов её связывали отнюдь не самые лучшие воспоминания. Двенадцать лет прошло с тех пор, как она вместе с покойным мужем Михаилом Казимиром побывала в Италии. Супруги посетили Рим, Флоренцию, Мантую, Парму и, наконец, остановились в фамильном дворце в Болонье. Именно в этом дворце, сломленный внезапной болезнью, и скончался Михаил Казимир. Поэтому к предстоящей поездке сына в Болонью княгиня испытывала суеверный страх.

– Да, в Литве так устаёшь от серых дождей и низких туч, от зимы, которая длится полгода, – согласилась Барбара. – Едва наступает лето, как день уже идёт на убыль. А там круглый год – тёплое море, синее небо, яркое солнце. Я бы, пожалуй, всю жизнь прожила в Италии.

Закончив мысль, Сапежанка выразительно посмотрела на несвижского князя, словно ища его поддержки, однако тот вновь занялся едой.

– Надо ещё побывать в Риме, – не поднимая глаз, вставила Ганна Катажина, – получить благословение святого отца.

– Мы бы хотели ещё поехать в Вену, – добавил юный князь, – но в Европе война, дороги небезопасны.

– Война в Европе будет всегда, – философски изрекла Катажина Радзивилл и позвонила в бронзовый колокольчик. Вошла горничная Агнешка с кофейником в руках – Катажина лично распорядилась, чтобы этот напиток, привозимый из Новой Испании, непременно подавался к столу. Впрочем, нередко гости под благовидным предлогом отказывались от угощения, вызывая колкие насмешки вдовствующей княгини.

Густой горячий аромат быстро наполнил пространство малой трапезной. Агнешка быстро и ловко разливала диковинный напиток в чашки, допустив одну оплошность: наливая кофе князю, её рука неожиданно дрогнула, и несколько капель пролилось на стол. Кароль Станислав сделал вид, что не заметил этого, однако Ганна Катажина бросила мгновенный взгляд на мужа и ещё ниже опустила голову.

После обеда вдовствующая княгиня удалилась в библиотеку, расположенную на четвёртом уровне юго-восточной башни, где её ожидал кастелян Мирского замка, возный новогрудского повета Владислав Славута.

Кастелян являл собой портрет бурного, богатого на потрясения семнадцатого века – высокий, слегка прихрамывающий на правую ногу, убелённый сединами, с громким голосом и властным взглядом. Славута начал свою военную карьеру под знамёнами польного гетмана литовского Винсента Гонсевского и быстро дослужился до должности польного писаря. После гибели гетмана Славута продолжил службу под знамёнами Михаила Казимира Паца. В славный 1683 год Славута под знамёнами Речи Посполитой сражался под стенами Вены, а при штурме Паркан был ранен в ногу, после чего по рекомендации короля Яна Третьего был назначен Катажиной Радзивилл на должность эконома Мирского графства.

Поначалу Катажина отнеслась к протезе своего монаршего брата с недоверием, однако Славута проявил редкие деловые качества и оказался незаменим при организации реконструкции местечка. По его приказу был составлен реестр, наняты каменщики, плотники, закуплен кирпич, дерево, жель, черепица, и осуществлены масштабные работы по восстановлению Мира. За каких-то восемь лет местечко буквально преобразилось: была заново выстроена ратуша, из руин восстановлены вежи, стены обрели былую мощь. Вдохновлённая первыми результатами, княгиня назначила Славуту на должность кастеляна Мирского замка и доверила ему реконструкцию фамильного гнёзда, лежавшего в руинах после хмельнитчины и шведского потопа. Вскоре было отре-

монтировано северное крыло дворца, башни увенчались островерхими черепичными крышами, пустые глазницы окон заполнились цветными стёклами, а в 1686 году на стене воротной башни, обращённой в сторону двора, были установлены диковинные часы: золочёные стрелки в вид рук указывали на римские цифры, и отныне каждые четверть часа над Миром отзванивали малые колокола, а каждый час отмерял большой колокол.

Другая причина, по которой Катажина переменяла отношение к эконому, заключалась в том, что Славута имел собственный взгляд как на внутреннюю ситуацию в Речи Посполитой, так и на события большой европейской политики и умел столь аргументировано и доказательно излагать свои мысли, что вдовствующая княгиня, сочиняя очередное послание венценосному брату, нередко заимствовала мысли кастеляна. Каждый вечер он докладывал Катажине о последних событиях как в Республике, так и за её пределами. Славута свободно ориентировался в запутанных родственных связях польской и литовской шляхты, мог без труда перечислить высших сановников Королевства и Великого Княжества, с лёгкостью мог разобраться в запутанных хитро-сплетениях и соотношении сил между магнатскими родами, вследствие чего Катажина нередко спрашивала его совета по тому или иному вопросу.

Впрочем, порой мнение княгини диаметрально расходилось с точкой зрения кастеляна, и тогда в кабинете княгини

бушевала гроза – Катажина метала громы и молнии, пытаюсь доказать не столько Славуте, сколько самой себе собственную правоту. После непродолжительной вспышки гнева княгиня отсылала кастеляна – в караульную, в оружейную, куда угодно, лишь бы подальше, с глаз долой. Но уже спустя сутки, как ни в чём ни бывало, она посылала за Славутой с вежливой просьбой прибыть вечером в её кабинет.

В тот вечер княгиня и кастелян обсуждали ход военных действий между французским королём Людовиком XIV и штатгальтером Соединённых провинций Вильгельмом Оранским.

Наихристианнейший король Франции уже четыре года вёл войну за Пфальцское наследство, заодно пытаюсь вернуть своему кузену Якову II Стюарту британский трон. Своей политикой король задел интересы Священной Римской империи, королевств Испании, Швеции, Англии и Шотландии, республики Нидерландов, курфюрств Баварии и Саксонии, объединившихся ради правого дела в Аугсбургскую лигу. Чаша весов склонялась то на одну, то на другую сторону, но в этом году военное счастье было явно на стороне французов: Людовик взял Монс, маршал Люксембург разбил армию штатгальтера близ Турне, войска французов осадили Намюр. Правда, на море Короля-Солнце преследовали неудачи: англо-голландский флот полностью разгромил французов у мыса Ла-Хог, поставив жирный крест на планах реставрации Стюартов.

Казалось бы, вопросы большой европейской политики должны были мало беспокоить вдовствующую княгиню. Однако Катажина стремилась постоянно держать руку на пульсе большой политики – по каждому мало-мальски важному вопросу она писала в Варшаву своему коронованному брату, излагая свои виды на то или иное событие: таким образом она внушала себе мысль, что влияет на европейскую политику, и это приятно льстило её самолюбию, наполняя жизнь особым смыслом.

– Французы, кажется, близки к тому, чтобы взять Намюр, – Катажина положила перед кастеляном письмо, полученное накануне из Варшавы. – Королева Марыся, наверно, устроит бал в честь победы своих соплеменников.

Вот уже несколько лет Катажина вела тайную и необъявленную войну со своей *belle seure* [1], Божьей милостью королевой Польской, великой княгиней Литовской Марией, урождённой Мари д'Аркьен. Гордая наследница Собесских и Жолкевских, княгиня не могла примириться с мыслью о том, что иноземная авантюристка без роду и племени завоевала сердце её брата, а вместе с ней – и корону Республики Обоих народов. К чувству оскорблённой гордости примешивалась откровенное презрение – княгиня была прекрасно информирована о скандалах с участием королевы Марыси и её неразлучных наперсниц, мадам де Федерб и мадам де Леттрэ.

Кастелян между тем внимательно читал послание – то бы-

ло сухое и короткое, словно военное донесение, письмо литовского подканцлера, князя Доминика Миколая Радзивилла. Наконец Славута вернул бумагу княгине.

– Думаю, победа французов ничего не прибавит и не убавит. Война дорога, а, насколько мне известна, казна у Людовика уже почти пуста.

– Воюют не деньги, а солдаты.

– Без денег не будет и солдат. Кроме того, у Людовика не хватит солдат, чтобы воевать со всей Европой.

– Ему не надо воевать со всеми, он хочет разбить своих врагов поодиночке, и кажется, это скоро ему удастся.

– Это невозможно. Король Людовик сражается Лернейской гидрой, но он не Геракл.

– Объяснитесь.

– Видите ли, ваша милость, французский король имел неосторожность нарушить равновесие, царившее со времён Тридцатилетней войны. Дважды оно было поколеблено Габсбургами – и каждый раз против Империи объединялась едва ли не вся Европа. Людовик Четырнадцатый повторяет путь Карла Пятого: французы могут направить второй флот к берегам Англии, в третий раз разбить армию штатгальтера, взять ещё пять или десять крепостей, но на смену поверженным врагам придут новые, которые захотят восстановить пошатнувшееся равновесие. Людовик, подобно Гераклу, может сколько угодно сражаться со своими соседями, но на месте одной отрубленной головы всегда вырастут две новые.

Идея очередного послания сложилась в считанные минуты – княгиня, давая понять, что беседа окончена, подвинула ближе чернильный прибор.

– Эти торжества выбили меня из колеи. Кто сегодня старший в карауле?

– Януш, мой племянник.

– Всё равно, совершите вечерний обход лично.

Кастелян молча откланялся и вышел.

Тьма уже накрыла громаду замка, лишь в нескольких окнах мерцали слабые огоньки. Кастелян вышел из дворца и направился к юго-восточной веже – его мягкие, почти неслышные шаги тонули в тишине сонной крепости. Впрочем, эта сонливость была мнимой – с наступлением ночи замок начинал жить своей особой жизнью: по коридорам раздавались осторожные шаги, чьи-то тени мелькали в галереях, под альковами, а то и просто на сеновалах были слышны шуршание расстёгиваемой одежды и звуки поцелуев.

Кастелян любил ночь. Он мог часами слушать её странные звуки, сливавшимися в музыку. Из этих нот – позвякивания уздечки, стука копыт по каменному настилу, коротких отрывистых фраз – складывалась таинственная музыка ночи, доступная лишь посвящённому.

Постояв некоторое время во дворе, Славута вошёл в башню, поднялся на второй уровень и вышел на южную галерею, намереваясь пройти к башне-браме. В этот момент впереди слышались осторожные шаги. Кастелян со слуха мог

узнать походку всех постоянных обитателей замка – например, тяжёлая решительная поступь княгини Радзивилл отличалась от лёгкой походки пани Эльжбеты, как грохот кузнечных молотов от мелкой дроби сапожных молоточков. Кастелян мягкими шагами скользнул в нишу и затаил дыхание – навстречу шла Наталья, любимая горничная княгини.

Однажды Славута застал Наталью и жолнера Ляховича, стоявшего в ту ночь в карауле, на скирде сена возле башни-брамы. Кастелян сгоряча приказал дать влюблённой парочке по десятку розог, после чего отправил Ляховича на месяц в подвал на хлеб и воду. Наталья бросилась в ноги к княгине. Катажина, которая покровительствовала горничной, с неудовольствием высказала кастеляну, что с жолнером он волен был поступать по своему разумению, но горничная караульных артикулов знать не обязана, а посему её наказание было самоуправством. Славута, скрепя сердце, был принуждён выполнить желание Натальи – выпустить из-под ареста её незадачливого возлюбленного.

Горничная мимолётной тенью мелькнула в четырёхугольном проёме и скрылась во мраке коридора. На въездной браме раздался бой часов. Славута отсчитал удары – колокола монотонно пробили двенадцать раз. Кастелян уже решил покинуть своё укрытие, как слева послышался скрип осторожно открываемой двери. Славута замер: тихие женские шаги приближались к его нише. На этот раз Славута не мог определить, кто именно шёл по галерее – незнакомка, очевид-

но, из числа гостей княгини, проследовала к юго-восточной башне и скрылась в темноте. Кастелян подождал: некоторое время всё было тихо. Затем со стороны ворот послышался громкий скрип петель, бряцание цепей подъёмного механизма моста. Негромко всхрапнула лошадь, раздались торопливые шаги, звон шпор. Кастелян услышал негромкий окрик – его племянник Януш что-то спрашивал у въезжающих. Последовал ответ, раздался грохот поднимаемой герсы, по каменному настилу застучали подковы коней. Славута уже вышел из своего убежища, как снизу вновь скрипнула двери.

Зная каждый поворот, каждое окно, каждую нишу в замке, кастелян быстро поднялся по винтовой лестнице и снова оказался на галерее. Спустя минуту внизу мелькнул неяркий свет, и кастелян, решивший более не прятаться, вышел из своего укрытия. От неожиданности девушка негромко вскрикнула и отступила на шаг. Кастелян узнал Ганну Катажину.

– Вечер добрый, пан Славута, – юная княгиня была явно смущена внезапным появлением кастеляна. В неярком мерцании свечи на чёрном переплёте, зажатом в левой руке Ганны Катажины, золотым тиснением сверкнул четырёхконечный католический крест.

– Простите, ясновельможная пани, кажется, я напугал вас. Если желаете, я провожу.

– Благодарю, я не нуждаюсь в провожатом, – юная княгиня, ускорив шаг, направилась к башне-браме, где располага-

лась каплица святого Христофора. Кастелян некоторое время смотрел ей вслед, а затем продолжил обход.

Где-то совсем рядом закричала сова. Десять лет тому назад, когда замок лежал в руинах, на верхних уровнях водились совы, однако с началом строительных работ они покинули насиженное место. Но несколько месяцев назад одна вернулась, облюбовав себе крышу юго-восточной башни.

Славута вдохнул полной грудью сырой вечерний воздух. Ему захотелось пойти в замковую библиотеку – в последнее время кастелян стал вести что-то вроде дневника событий, имевших место несколько десятков лет назад, и потому целыми часами уединялся в восьмигранном зале, расположенном на третьем ярусе Яновой башни. У него уже вошло в привычку приходить сюда по ночам, бродить вдоль массивных резных шкафов, и, оторвавшись мыслью от всего суетного, размышлять о былом, уже навсегда ушедшем, невозвратном.

Однако в ту ночь окно библиотеки было ярко освещено. «Кому ещё не спится?», – с досадой подумал Славута, направляясь к своим покоям.

Глава II. Два несостоявшихся короля

В просторном зале замковой библиотеки горела единственная свеча. Кароль Станислав сидел за гигантским резным столом, меланхолично перелистывая фолиант в тём-

но-коричневом кожаном переплётё. Казалось, мысли князя витали далеко от содержания книги – он ненадолго оставлял свой взгляд на каждой странице, а спустя мгновение переходил к следующей. Перед его взглядом проходили соединённые линиями украшенные картушами и увенчанные княжескими коронами щиты, на которых были написаны имена рода Радзивиллов.

С четырнадцатого века, от Войшунда и Гжегожа Остыка род Радзивиллов вырос в мощное развесистое дерево с многочисленными ветвями. Потомки Радзивилла Остыковича чаще представителей иных родов держали в руке гетманскую булаву и канцлерскую печать, Радзивиллы избирались маршалками сеймов, конюшими, подскарбиями и кастелянами, пошедшие по церковной линии становились епископами и даже кардиналами, – но им ни разу не удавалось одеть на голову корону Речи Посполитой, конечно, за исключением несчастной Барбары, ставшей королевой благодаря браку.

А ведь был шанс роду Радзивиллов примерить если не корону всей Речи Посполитой, то хотя бы Великого Княжества Литовского! В 1655 году князь биржанский и дубинский Януш Радзивилл, отдавшись под руку короля шведского Карла Густава, был в шаге от создания независимого княжества, но в тот же год князь был отравлен – скорее всего, по приказу его давнего врага Павла Яна Сапеги, вырвавшего булаву великого гетмана из окоченевших мёртвых рук Януша Радзивилла.

В Варшаве действия князя сочли изменой. Но кому он изменил? Польше? Но можно ли изменить государству, предавшему древние устои и нарушившему былые договорённости? Или князь изменил безвольному, слабому, недалёкому Яну Казимиру, для которого скипетр оказался настолько тяжёл, что в итоге король сам выпустил его из рук? Но как можно изменить монарху, по своей природе неспособному править? И разве князя Януш или Богуслав Радзивиллы были менее достойны короны, нежели отпрыск шведского графского рода?

«Но может быть, это я смогу одеть корону и взять в руки скипетр?» – эта мысль вновь и вновь тревожила ум юного князя, и он упорно гнал её прочь. Наконец, устав бороться, Кароль Станислав прикрыл глаза и представил собственный профиль, отчеканенный на золотом дукате. “Karl I Stanislav, Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, etc...” [2].

Размышления князя были прерваны скрипом двери. Якуб Собесский некоторое время осматривался, пытаясь различить в темноте библиотеки князя.

– Добрый вечер, кузен, – нарушил тишину Кароль Станислав.

– Добрый вечер, князь, – Якуб, наконец, разглядел сидящего за письменным столом несвижского ордината, и сел напротив.

Около минуты кузены молчали: королевич колебался, не

зная, с чего начать разговор, а его собеседник не спешил приходить на помощь.

– Интересы наших семей требуют проведения совместной политики во благо общих интересов, – начал, наконец, Якуб.

Темнота скрыла улыбку на губах Радзивилла. «Общих интересов» – красиво сказано.

– Гетман Сапега перешёл все допустимые рамки. Казимир Ян Павел разместил свои хоругви на землях, принадлежащих курии. Бискуп Константин Казимир Бжостовский намерен привлечь гетмана к сеймовому суду. Вы, как подканцлер литовский, могли бы способствовать вызову гетмана в Вильну.

Якуб умолк, ожидая реакции кузена, однако Кароль Станислав явно не торопился с ответом, ожидая, когда собеседник первым выложит на стол главные козыри.

Кароль Станислав прекрасно знал о давней неприязни Собесских и Сапег. Здравствующий король Ян III вознамерился ослабить влияние магнатских кланов и одновременно утвердить в качестве преемника на престол своего сына Якуба. Пытаясь разрушить монополию Сапег на власть, Собесский выдвигал на ведущие должности кого угодно, блокируя представителей клана литовского гетмана. Казимир Ян Павел платил королю той же монетой, и готов был поддержать любого кандидата на трон, лишь бы не позволить Собесским и далее занимать престол Республики двух народов. Шляхте был памятен вальный сейм 1688 года в Гродно, ко-

гда король опрометчиво посадил Якуба справа от себя, что послужило предлогом для того, чтобы депутаты из лагеря Сапег сорвали проведение сейма – и планы Яна III в одночасье рухнули. Впрочем, у Якуба были причины ненавидеть Сапег и иного, личного характера: именно великий гетман литовский немало поспособствовал для разрыва помолвки королевича с княжной Людовикой Каролиной Радзивилл.

– Кроме того, виленский бискуп Бжостовский обратился к их преосвященству нунциу святого престола, их преосвященству архиепископу Андреасу Сантакроче, с просьбой сообщить о поступке гетмана в Рим, – выдержав некоторую паузу, продолжил королевич.

«Какой размах, – с недоверчивой усмешкой констатировал Радзивилл, знавший о расположении примаса к Сапегам. – Узнаю руку королевы Марыси».

В Речи Посполитой ни для кого не являлось секретом, что жилистой рукой Яна Третьего, сжимающей попеременно то скипетр, то меч, то шестопёр, водила изящная ручка Марии Казимиры: как острила шляхта, «король Ян правит Польшей, а королева Марыся – Яном».

– И что?

– Возможно, их преосвященствам удастся убедить его святейшество папу Иннокентия – да продлит Небо его годы! – отлучить безбожного Сапегу от святой католической церкви.

«И возможный соперник в борьбе за трон будет устранён ещё до элекционного сейма», – закончил мысль собеседни-

ка князь. Радзивилл прекрасно знал, что представляет собой сейм Речи Посполитой – триумф личного эгоизма, поголовный подкуп, забвение национальных интересов. «А почему не я?» – вот принцип, которым руководствовался любой участник сейма.

На секунду Кароль Станислав представил дражайшего кузена Якуба с церемониальным мечом и золотой державой в руках, орденом Золотого Руна на груди, в горностаевой мантии на плечах и королевским венцом на голове. Да, жалкое будет зрелище, тусклое царствование ожидает Республику Обеих Народов. О судьба, судьба! Слепой случай, возвышающий одних на вершины власти и славы, и низвергающей других в бездны ничтожества и неизвестности!

– А что примас? – прервал молчание несвижский князь.

– Их преосвященство кардинал Радзиевский разделяет наши взгляды, – уклончиво ответил Якуб. – А мой отец не будет вмешиваться в решение сеймового суда.

Диалог вновь оборвался. Кароль Станислав негромко барабанил пальцами по столу, всем своим видом давая понять, что ждёт от собеседника главного. Наконец, Якуб заёрзал на стуле, затем наклонился к кузену и негромким голосом произнёс:

– Но если суд осудит Сапегу, булава великого гетмана литовского будет свободна.

Это были слова, которых и ожидал Кароль Станислав. Несвижский князь немного привстал, затем оглянулся по

сторонам и протянул руку собеседнику.

– Я согласен с вами, кузен.

– Иными словами, вы не будете чинить препятствий по вызову гетмана в суд?

– Вы можете смело рассчитывать на мою поддержку.

Собеседники скрепили союз рукопожатием.

Забегая вперёд, скажем, что кузены не сдержат данного друг другу слова. Спустя год несвижский князь заявит протест на мандат виленского бискупа, сорвав вызов великого гетмана в сеймовый суд. Спустя ещё четыре года Радзивилл перейдёт в стан противников Якоба Собесского, расчистив дорогу к престолу саксонскому курфюрсту Августу. В разгар Северной войны шведский король Карл XII будет рассматривать кандидатуры как Якуба, так и Кароля Станислава в качестве альтернативы Августу, а затем и русский царь Пётр I предложит корону Речи Посполитой Якубу – однако кузены так и останутся в истории лишь претендентами на корону. Но в ту душную майскую ночь королевич и несвижский князь долго сжимали друг другу ладони: каждый полагал, что именно он обманул другого и извлёк наибольшую выгоду от сделки.

Наконец рукопожатие распалось.

– И последнее, – Якуб говорил уже уверенно, не опасаясь отказа собеседника. – Поговорите с вашим кузеном Домиником Николаем. Слово канцлера дорого стоит...

Боковая дверь отворилась, и на пороге появилась Барбара.

Якоб осёкся на полуслове, моргая длинными ресницами.

– Вы здесь, кузены, – чуть хриплым голосом произнесла девушка. Барбара, казалось, была чем-то взволнована – она натужно закашляла, словно прочищая горло. Наконец, поправив сбившуюся чёлку, девушка подошла к столу и цепким взглядом окинула лежавшие на столе книги. – Чем вы занимаетесь здесь в столь поздний час?

Собеседники переглянулись.

– Мы с Якубом говорили о геральдике, – с фальшивой непринуждённостью ответил князь.

– Как жаль, я совсем ничего в этом не понимаю. Вы возьмёте меня в ученицы, Кароль?

– Близкие мне люди всегда смогут рассчитывать на мою помощь, – несвижский ординат изобразил на лице подобие улыбки, которую добросовестно скопировал королевич.

– Я всегда знала, что вы мой друг, – Барбара сделала ударение на последнем слове.

Часы на башне-бране начали монотонный отсчёт полуночи. Якуб поднялся из-за стола.

– Прошу меня простить, но я вынужден вас покинуть.

Барбара проводила королевича равнодушным взглядом, после чего села напротив Кароля Станислава.

– Вы с Якубом выбрали позднее время для встречи, – на губах девушки мелькнула улыбка.

– Тебе тоже не спится.

– Да, ты прав. Душно, – паненка дёрнула шнуровку на вы-

соком воротнике, чуть открывая верхнюю часть груди. Кароль Станислав издал неопределённый звук, который с натяжкой можно было расценить как выражение согласия.

– Душно, – словно извиняясь, повторила Барбара.

– Да, парит. Наверно, к дождю.

Девушка бросила мимолётный взгляд на собеседника и шумно вздохнула.

– Кароль, ты... счастлив?

Несвижский ординат потупил взор.

– Я самостоятельно решаю свою судьбу.

– Ты сам этому веришь?

Юный князь дёрнул плечом и с явным раздражением посмотрел на собеседницу. В этот момент белая ночная бабочка, залетевшая в библиотеку, запорхала над огоньком свечи.

– Лети, глупая, сгоришь, – Барбара ленивым движением руки попыталась отогнать насекомое от пламени.

С минуту собеседники молчали. Наконец, девушка нерешительно протянула руку и коснулась ладони князя.

– Я вспомнила, как ты в последний раз приезжал в Заславль. Кароль, я давно хотела тебе сказать...

– Не надо, Барбара, – ординат Несвижа убрал руку, – что умерло, то должно быть похоронено. Прости, но я тоже должен идти.

Девушка опустила глаза.

Вновь открылась дверь, и в проёме появилась Гедвига Эльжбета. Баварка что-то залопотала на немецком языке, в

быстрой тарабарщине несколько раз прозвучало «Jakob» – Барбара недовольно поморщилась и махнула рукой на дверь, давая понять, что королевич ушёл. Баварка удалилась, однако её голос ещё с минуту звучал в коридоре. Наконец всё снова стихло.

– Однако действительно поздно, пора спать, – князь встал из-за стола.

– Подожди, не торопись, – девушка удержала его за руку. – ещё одну минуту. Смотри, какая ночь... и тишина...

Ночное безмолвие разрезал женский крик

Глава III. Золочёная сталь, обагрённая кровью

В неровном пламени факелов тускло сияли покрытые пылью доспехи работы знаменитого нюренбергского оружейника Валентина Себербюнгера времён Инфлянтской войны – подарок короля польского Сигизмунда Августа виленскому воеводе Николаю Кристофу Радзивиллу Сиротке. Серебром высверкивала гравировка на турнирном доспехе гетмана Юрия Радзивилла Геркулеса работы мастера Кольмана Гельшмидта. Покрытый патиной, темнел нагрудник работы Кунца Лохнера, некогда принадлежавший канцлеру Николаю Радзивиллу Чёрному. Маленькими золотыми искрами мерцала гравировка на кирасе виленского кастеляна Альбрехта Владислава Радзивилла, матово поблёскивал панцирь полоцкого воеводы Александра Людвиг Радзивилла, хра-

нивший на себе следы сабельных ударов Потопа и Хмельничины. Покрытые густым слоем пыли, внавалку лежали барабаны с лопнувшей кожей, латные рукавицы, старые сёдла, спутавшиеся детали конской упряжи, побитые молью камзолы, стоптанные ботфорты, ржавые кирасы, наплечники, сабатоны, салалы, шишаки, щиты. Возле окна на деревянных лафетах стояли небольшие пушки, рядом висело жёлтое полотнище хоругви с чёрными трабами. Забытые и ненужные, на стене висели пищали, алебарды, фитильные самопалы, бердыши, мушкеты, сабли...

Среди этих свидетелей войн, которые вела Речь Посполита за последние два столетия, на ступеньках, ведущих к площадке третьего уровня, лежало неподвижное женское тело. Около головы блестела тёмно-красная густая лужа крови. Чуть поодаль валялось орудие убийства – стальной позолоченный гетманский пернач, объект вожелений любого честолюбца Республики Обеих Народов.

Княгиня Радзивилл стояла около окна, закрыв лицо руками. По залу метались слуги. Януш с двумя жолнерами тщетно пытался отгеснить людей к двери.

Кастелян обошёл тело, словно пытаясь что-то обнаружить, затем осторожно перевернул убитую, осторожно откинув рассыпанные волосы, и окружающие увидели спокойное мертвенно-бледное лицо горничной Натальи. Раздался женский вздох-вскрик, кто-то быстро крестился. Катажина бросила быстрый взгляд на покойницу и закрыла лицо рукой.

Славута поднялся с колен и быстро пробежал взглядом по лицам присутствующих.

Несомненно, тот, кто совершил убийство, находится здесь, в этой зале.

Наконец кастелян повернулся к племяннику и короткими чеканными фразами отдал распоряжения:

– Вывести всех. Ворота на запор. Без моего разрешения не открывать. Поставить стражу к верхним покоям. Послать за лекарем. Исполнять.

Зала быстро опустела. Дождавшись, когда в зале осталась одна княгиня, кастелян подошёл к ней и тихо произнёс.

– Надо послать гонца в Новогрудок за судовым старостой и земским писарем. И необходимо предупредить войта.

Княгиня с минуту молчала, словно пытаясь вникнуть в смысл произнесённого.

– Началось, – она сделала глубокий вдох.

– О чём вы?

Катажина молча замотала головой.

Лишь самые близкие люди знали тайную слабость старой княгини – она не любила и боялась не только говорить, но и думать о смерти.

Сорок лет назад, в разгар Хмельнитчины, от казацких и татарских сабель погиб её старший брат Марек. Затем ушёл в землю первый муж – князь Заславский, ординат Острожский. Катажина пережила и второго мужа, князя Радзивилла, ордината Несвижского и Олыкского. Единственным че-

ловеком, который помнил княгиню с молодых лет, был её родной брат, король Польский, великий князь Литовский Ян III Собесский – но тот был далеко. Одинокая, окружённая воспоминаниями о тех, кто когда-то был дорог ей, но уже ушёл в небытие, княгиня жила среди людей, принадлежащих к иному поколению и чуждых ей по духу. И с каждым уходящим днём княгиня ловила себя на мысли, что её время ушло,

Дверь за спиной тихо скрипнула.

– Желаю здравствовать, ясновельможная пани княгиня, желаю здравствовать, вельможный пан кастелян, – личный лекарь Катажины Абрам Гольц кланялся, держа руки у груди. – Пани позволит?

Катажина кивнула и направилась к выходу.

Лекарь повернул тело лицом вниз и начал осмотр.

У самой двери княгиня Радзивилл остановилась.

– Действуйте, пан Славута, – низким грудным голосом выдавила она. – Я буду у себя.

Княгиня вышла.

Славута некоторое время смотрел, как лекарь, склонившись над телом, осматривает убитую. Чтобы чем-то занять себя, кастелян взял в руки орудие убийства – шестигранный гетманский пернач. Тяжёлая рукоять венчалась навершием из шести оперений причудливой грушевидной формы, украшенных тонкой гравировкой, два из которых были испачканы кровью, а ещё одно сильно погнулось. И рукоять, и навершие были покрыты тонким слоем позолоты, которая

в нескольких местах стёрлась и облезла.

– Пан готов слушать?

Славута отложил булаву в сторону и утвердительно кивнул.

– Всего было три удара. Первый пришёлся в нижнюю часть затылка. Два других попали в темень.

– Что ещё?

– Первый удар стал смертельным. Два других нанесены уже по мёртвому телу. Либо убийца обладает недюжинной силой, либо так ненавидел покойную пани, что вложил в удар всю злобу, на которую был способен.

– Это всё?

– Никаких других ран. Нет ни порезов, ни ссадин. Убийца просто подошёл и ударил.

Славута взял свечу и нагнулся к убитой. Лекарь, приподняв голову покойницы, показал ему три зияющих, залитых кровью раны.

– Ни порезов, ни ссадин... просто подошёл и ударил... – задумчиво произнёс кастелян. – Всё правильно, она и не могла сопротивляться – нападение было сзади. Темень и низ затылка, верно.

Славута провёл рукой по собственному затылку, затем сделал движение рукой, словно замахиваясь.

– Удобнее было бы ударить сверху. Но почему первый удар пришёлся вбок? Она должна была увидеть убийцу...

– Очевидно, пани нагнулась, – вставил лекарь.

– Она нагнулась... – эхом повторил кастелян. – Убийца нанёс первый удар. Она падает. После этого ещё два удара... – кастелян внимательно осмотрел оба окровавленных оперения, затем поднёс свечу ближе к полу, словно пытаясь что-то найти. Справа от тела алела неровная, с рваными краями полоса крови. Второе, растёкшееся пятно темнело под головой убитой. – Да, всё сходится.

Наконец кастелян встал, взял в руки пернач и подошёл к окну, где, сосредоточенно сжав губы и наморщив лоб, стал внимательно рассматривать золочёную сталь шестопёра.

– Я ещё могу быть полезен вельможному пану?

Славута поднял голову, на секунду задумался, словно пытаясь вспомнить что-то важное.

– Надеюсь, ты умеешь держать язык за зубами?

Гольц понимающе улыбнулся.

– Ступай.

Лекарь по обыкновению поклонился, прижимая руки к груди, и вышел.

Кастелян снова сосредоточил своё внимание на шестопёре. На какого неприятеля направляла эта золочёная сталь литовские хоругви – на войска московского царя Иоанна Грозного? На полки шведского короля Густава Адольфа? Или на орды крымского хана Гирея? Сколько крови и смертей повидал пернач на своём веку... Но чья рука сжимала эту рукоять всего несколько часов назад? И почему убийца взял такое необычное орудие – ведь здесь в избытке хранилось ору-

жие более надёжное, нежели церемониальный гетманский шестопёр!

На востоке уже бледнела полоска зари. Славута взял лежавшее на полу древко от знамени и негромко постучал по полу – в дверном проёме вновь появился племянник Януша.

– Ляховича сюда. Тело обмыть. Вызови ксёндза из Миколаевского костёла.

– Наталья была православной.

– Тогда позови отца Василия из Троицкой церкви.

Януш кивнул и, бросив взгляд на покойницу, скрылся за дверью. Славута вновь продолжил задумчиво мерить шагами пространство зала. Когда на башне пробило семь раз, в залу вернулся племянник.

– Ляхович в Несвиже.

Славута повернул голову.

– Как долго?

– Со вчерашнего утра по распоряжению княгини.

– Вызвать в Мир. Немедленно.

Отсутствие возлюбленного Натальи не вписывалось в заранее составленную им схему. Что же могла делать девушка одна в столь поздний час в пустой зале среди трофеев и старого оружия?

В зал неслышно вошёл приходской священник церкви Святой Троицы отец Василий. Посмотрев на покойницу, он истово перекрестился. Вслед за священником вошли две пожилые женщины, которые встали около стены, словно ожи-

дая чего-то.

Вначале Славута не понял, что хотят вошедшие. Затем его осенило – они ждут, когда он выйдет. Он, возный Мирского повета, сделал всё, что было в его земной власти. Но мёртвому телу его хлопоты уже были не нужны.

Кастелян бросил ещё один взгляд на неподвижное тело девушки, словно пытаясь в последний момент запечатлеть в памяти что-то важное, и вышел из зала.

Глава IV. Привилей маркграфини Бранденбургской

Княгиня Радзивилл задумчиво потягивала из фужера красное вино. Кароль Станислав и Ганна Катажина явно избегали смотреть на окружающих, а паче всего – друг на друга. Королевич Якуб меланхолично ковырял вилкой зажаренного зайца. Гедвига Эльльжбета, словно идол, неподвижно сидела перед девственно-чистым прибором. Пфальцграф Бранденбургский и княгиня Слуцкая молчали, сжимая под столом ладони друг друга. Лишь Барбара Сапега, на которую трагедия минувшей ночи, очевидно, не произвела особого впечатления, спокойно ела мясо перепёлки, запивая красным вином.

По окончании завтрака Якуб, бросив осторожный взгляд на жену, нерешительно произнёс:

– Мы не хотели бы злоупотреблять гостеприимством. К тому же неотложные дела ждут нас в Жовкве.

– Нам тоже пора возвращаться в Гейдельберг, – вставила Людовига Каролина.

Княгиня Радзивилл лишь пожалала плечами.

– Что вы собираетесь делать, Барбара?

– Я бы хотела посетить костёл Святой Троицы в Ишкольди.

– Хорошо, я выделю вам свиту.

– Благодарю, я доеду одна.

Катажина всем телом повернулась к девушке.

– Дороги могут быть небезопасны.

– Я во всём полагаюсь на волю Господа, и не нуждаюсь в охране.

– Речь идёт не об охране, возьмите сопровождающего. Хотя бы Агнешку.

Барбара перевела взгляд на горничную, её небесно-голубые глаза упрямо сощурились. Агнешка, казалось, смутилась от этого пристального взгляда, поднос в руках девушки задрожал так, что она была вынуждена поставить его на стол.

– Хорошо, я согласна, – медленно, словно взвешивая каждое слово, ответила Сапежанка.

– Спасибо, я сейчас же отдам все необходимые распоряжения, – Катажина взяла в руки колокольчик и позвонила. Пришедшая на зов горничная Стефания выслушала указания княгини, затем наклонилась и что-то тихо шепнула на ухо. Катажина с плохо скрываемым волнением выслушала сообщение и кивнула в ответ.

Первыми, поблагодарив хозяев за гостеприимство, трапезную покинули супруги Собесские. Вслед за ними раскланялась Бранденбургская чета.

Пока в малой трапезной шёл завтрак, кастелян в задумчивости расхаживал по галерее второго яруса. Здесь не было той роскоши, которая буквально заполняла верхние апартаменты, однако убранство нижних покоев было добротным: на полу причудливым узором играла разноцветная кафля, стены и потолок темнели морёным дубом, в резных рамах блестели новые, привезённые из Венеции стёкла.

Кастелян неторопливой походкой дошёл до лестницы, затем развернулся и пошёл обратно, прикидывая оставшиеся объёмы работ по восстановлению замка, как его кто-то негромко окликнул по-польски:

– Wielmożni pan Slawuta! [3]

Кастелян обернулся – Людвиг Каролина, укрывшись за одной из колонн, поманила его рукой.

– Добрый день, ваша милость. Чем могу быть полезен?

Вместо ответа нейбургская принцесса подала свёрнутый в трубку лист бумаги с печатью из красного воска.

– Это... мне? – Славута с недоумением посмотрел на свиток.

– Да, берите.

– Я должен это прочесть?

– Нет... впрочем, прочтите, если вам будет угодно... но только не сейчас.

– Тогда что я с этим должен делать?

– Я возвращаюсь в Гейдельберг, и, возможно, больше не вернусь в Литву. Я слышала, вы бываете в монастыре святых Петра и Павла в Менске. Передайте это настоятелю, он уже уведомлен.

– К вашим услугам, княгиня.

Кастелян отвесил поклон, нейбургская принцесса сделала малый реверанс и вышла.

Дождавшись, когда её шаги утихнут в конце коридора, кастелян развернул упругий свиток и прочёл текст на русском языке:

«Изъяснив всем, кому знать должно, что церкви религии старой Греко-Русской, с незапамятных времён построенные и арендованные в городе Слуцке и Копыле и во всём княжестве Слуцком и Копыльском, а также в имениях моих Кайденовском, Копыльском, Белицком, Заблудовском, Невельском, Себежском и других, всегда стояли под благословением восточного Константинопольского патриарха, и блаженной памяти князь и княгиня, предки мои, всегда этой религии и подданным православным покровительствовали, и что они доселе пользовались и ныне пользуются свободой своего старогреческого богослужения и силою церковных правил в духе Церкви Восточной, а потому настоящею привилею утверждаю, чтобы церкви, архимандриты, игумены, монастыри и братства в княжестве Слуцком и других моих владениях на вечные времена неприкосновенно, без всякой пе-

ремены были сохраняемы в совершенной свободе своего богослужения».

Внизу, рядом с печатью красного воска, иным почерком, по-польски, было написано:

Ludwika Karolina Radziwiłł, markhrabinia Brandenburska, ksenżna w Birżach, Dubinkagh, Slucku, Kopysi, Lubczy, Smolewiczach, Kojdanowie i inn., a teź na Neveli i Sebieży.

Славута внимательно прочёл текст дважды, после чего бережно свернул пергамент в трубку и задумался.

Давно минуло время, когда князья Великого Княжества Литовского бережно хранили веру отцов и дедов. Ушли в мир иной великие поборники православной церкви: Богдан Сапега, Дмитрий Вишневецкий, Рыгор Ходкевич, Константин Василь Острожский, Софья Радзивилл-Слуцкая... Их наследники и потомки, недостойные отпрыски славных русских и литовских родов, изменили вере отцов и переходили в католицизм, лестью и обманом завлекали своих подданных в латинство, а когда люди оказывались тверды в вере, прибегали к насилию. «Пусть проклят будет тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь чувствует, что ей нет пощады!», – обращался латинский папа к польскому королю. И рушились церкви, а на их месте возводились костёлы. И казалось, так будет до тех пор, пока на землях Литвы не останется ни одного православного храма...

Но как же тогда понять эту хрупкую, немного странную девушку, одетую в немецкое платье, с рождения воспитан-

ную в кальвинизме и даже совсем не говорящую по-русски? Какое дело ей до судеб люда посполитого, веры греческой, до самой Православной церкви?

– Пан Славута, вы заснули?

Кастелян вздрогнул, будто очнувшись – перед ним стояла Катажина Радзивилл.

– Простите, ваша милость, я задумался.

– Гости спешно покидают нас, – с небрежной усмешкой произнесла княгиня. – Ну что же, иного я и не ожидала. Но знаете, я хотела бы, чтобы вы... я не допускаю мысли, но всё же... проводите...

– Понимаю, ваша милость.

Славута направился в комнаты верхних покоев дворца.

Ещё недавно здесь было не протолкнуться от людей – каждый шляхтич Великого Княжества Литовского, начиная от всесильного магната и заканчивая последним шарачком, считал должным присутствовать на свадьбе несвижского ордината. Однако сейчас здесь царила тишина, и шаги гулким эхом отдавались от стен.

Кастелян пересёк коридор и вошёл в покои, где накануне располагалась чета Собесских. Его взгляд рассеянно пробежал по обстановке спальни, на мгновение упал на большую кровать, стоявшую в алькове. Кастелян знал о потайной нише, скрытой пологом кровати. Повинуясь скорее смутной догадке, нежели простому любопытству, Славута нагнулся и протянул руку – так и есть, его пальцы наткнулись на ка-

кой-то предмет. Кастелян ухватил его пальцами и вытащил на свет божий тяжёлую шкатулку, обитую позолоченной медью, с двумя замочными скважинами и крышкой с монограммой «GE», увенчанной княжеской короной. Славута потряс шкатулку – внутри что-то загремело. Лукавая улыбка тронула губы кастеляна – он поставил находку обратно и быстрыми шагами вышел из комнаты.

Во дворе для четы Собесских уже закладывали карету. Сапежанка изъявила желание совершить до Ишкольди конную прогулку – конюхи вывели двух самых спокойных жеребцов, одного белой, второго светло-серой масти. Возле въездной браны стоял возок, на дверце которого красовался личный герб маркграфини Бранденбургской: в правой части находился герб, состоящий из Погони, Орла и Траб, а слева – клетчатый, словно шахматная доска, герб Бранденбурга. Славута бросил мимолётный взгляд на окошко дверцы – в нём мелькнула изящная белая рука и слегка колыхнулась занавеска.

Кастелян ещё раз окинул цепким взглядом двор, задержав его на Гедвиге Эльжбете – баварка, лопоча на немецком, что-то втолковывала ничего не понимающим слугам. Чуть поодаль стояла Барбара, с интересом рассматривая коня белой масти, которого запрягали в дорожную кибитку.

– Доброе утро, ясновельможная пани, – Славута учтиво поклонился Сапежанке. – Такая прогулка не самая безопасная. Может быть, изволите взять сопровождающих?

Девушка бросила на кастеляна взгляд, словно мысленно прикидывая рост собеседника, и отвернулась. «Характер», – усмехнулся про себя кастелян и вновь сосредоточил внимание на баварской принцессе – та по-немецки бранила конюха, который, ничего не понимая в её тарабарщине, озирался по сторонам в поисках помощи. Кастелян не торопясь подошёл к карете и по-польски приветствовал баварку:

– Dzien dobry, Jaśnie Wielmożny Panie! [4]

Гедвига Эльжбета отстала от конюха и переключилась на кастеляна, излив на него яростный поток немецких фраз. Кастелян, не обращая внимание на её речь, продолжил:

– Вы забыли шкатулку за кроватью. Если прикажете, я принесу её сюда.

Баварка резко замолчала и побежала к крыльцу. Спустя минуту она вернулась, обеими руками прижимая к себе уже знакомый кастеляну медный ящичек.

«Значит, по-польски мы понимаем», – без стеснения рассматривая немецкую принцессу, констатировал Славута.

За спиной послышалось осторожное покашливание.

– Пан кастелян, прибыли судебной староста и земский писарь, – доложил Януш.

Славута кивнул и направился к крыльцу.

Судебной староста Тадеуш Цехановецкий, бывший хорунжий литовского войска, неунывающий балагур, встретил кастеляна как старого знакомого. Не умолкая, он говорил без передышки обо всём и ни о чём, пересыпая свою речь мно-

гочисленными шутками. Высокий, немногословный земский писарь Новогрудка Антоний Козел-Поклевский явно страдал от словесных излиятий своего напарника. Когда староста, наконец, иссяк, пан Козел-Поклевский сухо расспросил кастеляна обо всех обстоятельствах, время от времени делая записи в толстой книге.

Наконец, в библиотеку вошла Катажина.

– Ясновельможная шляхта! – торжественно произнесла она, знаком предлагая гостям сесть. – Я призвала вас, потому что в замке произошло преступление. Убита моя горничная Наталья Кулеша.

Катажина на секунду умолкла. Эта манера делать непродолжительные паузы была её привычкой – собеседник волей-неволей был вынужден напрягать внимание, прислушиваясь к каждому слову княгини.

– Мне неизвестно, кто совершил это злодеяние, – продолжила, наконец, Катажина. – И потому я хочу и требую, чтобы виновный был найден. Я хочу и требую, чтобы он понёс заслуженную кару. Я хочу и требую, чтобы этого не повторилось. Мои желания понятны?

– Да, пани, – судовой староста привстал со стула.

– Благодарю, – Катажина встала, вслед за ней поднялись остальные. – Я желаю, чтобы вы действовали согласно закону, дабы никто не смел упрекнуть нас в несправедливости и предвзятости. Начинайте, пан возный.

Кастелян вышел в центр комнаты и положил на стол гет-

манский пернач со следами засохшей крови.

– Паны-добродия, это орудие убийства.

За окном, стуча, поднялась герса, со скрипом опустился подъёмный мост, зацокали копыта коней по каменному настилу – гости покидали Мирский замок.

Глава V. Проклятие рода Ильиничей

Третий вечер кастелян мерил шагами пустое пространство спящих коридоров. В последнее время прошлое всё чаще терзало его память. То ли о себе начала давать знать старость, а может быть, на жизненном горизонте уже замаячила фигура смерти – Славута каждый день возвращался в прошлое, к счастливым либо горестным дням своей жизни. Он мог, погружённый в воспоминания, бродить часами, вдыхая ночной воздух и слушая тишину ночи. Когда кто-то проходил рядом, кастелян, стараясь не попадаться на глаза, уходил в темноту, напряжённо прислушиваясь к шагам идущего. По несколько раз он наведывался в зал юго-восточной башни, где долго неподвижно стоял, то ли высматривая, то ли выжидая кого-то. Так проходило время до рассвета, после чего, выкроив себе несколько часов на сон, он шёл в барбакан, где вместе со старостой, войтом и писарем пытался распутать клубок преступления.

За три последующих дня были опрошены все обитатели замка. Староста и войт монотонно задавали каждому одни и

те же вопросы. Кастелян большей частью молчал, лишь иногда покачивая головой и вставляя несколько реплик. На третий день стало ясно, что следствие, так и не дав ни одного вразумительного ответа, пошло по второму кругу.

Катажина закрылась в верхних покоях, и лишь изредка покидала свои комнаты в сопровождении пани Эльжбеты, следуя либо в трапезную, либо в каплицу. Несколько раз в её покои вызывали Гольца – лекарь приносил с собой какие-то снадобья, подолгу беседовал с княгиней, а затем уходил, озабоченно покачивая головой. Однажды кастелян встретил Катажину в южной галерее – княгиня бросила на него быстрый взгляд и, ничего не сказав, прошла мимо. Кастелян, замедлив шаг, проводил их милость внимательным взглядом – у входа на лестницу Катажина на секунду остановилась, пропустила вперёд спутницу и обернулась. Кастелян отрицательно покачал головой, княгиня взялась за щёку, словно её мучил больной зуб, и исчезла в темноте проёма.

В тот вечер Славута по обыкновению совершил обход. Начал накрапывать дождь, и жолнеры, игравшие в кости под навесом возле башни-брамы, заметили кастеляна слишком поздно. Славута беззлобно пнул берёзовый чубук, на котором велась игра, и на землю, звеня, посыпались монетки. Кастелян нагнулся и поднял одну из грязи, усмехнулся, и, ничего не сказав, направился к северо-западной веже, как услышал за спиной торопливые шаги. Славута обернулся – за ним бежал Януш.

– Пан кастелян, из Ишкольди вернулась горничная Агнешка.

– Одна?

– Одна.

– Открывай ворота.

Медленно опустился подъёмный мост, поднялась герса, и в воротный проём проскользнула закутанная в мокрый плащ женская фигура. Жолнеры усадили на девушку скамью, подали подогретого вина. Агнешка сделала два глотка, когда над ней склонился кастелян.

– А где Барбара?

– Пани велела мне оставить её, а сама осталась при кляштере.

Славута усмехнулся, вспомнив красиво-высокомерное лицо Сапежанки, затем приказал жолнерам закрыть ворота и проводить девушку до её комнаты, а сам направился в библиотеку, где зажёл свечу, разложил перед собой листы, вынул походный письменный прибор, взял в руки перо и нож и заточил кончик пера, после чего обмакнул перо в чернильницу, и стал изливать на бумагу повествование о событиях, непосредственным участником и свидетелем был он сам.

...Сорок лет назад ещё безусым юнцом он влюбился в Изабеллу Олехновскую, златокудрую голубоглазую красавицу, улыбка которой была сродни лучу майского солнца, а смех был похож на звон серебряного колокольчика. Однако избранница сердца отвергла все знаки внимания Славуты,

и вскоре выяснилось, что у него есть счастливый соперник, которым оказался Александр Нарбут, сын маршалка литовского трибунала. Выгодно выделяясь перед Славутой богатством и древностью года, Нарбут без труда завоевал сердце красавицы, её семья также не возражала против их союза. Вскоре в кафедральном костёле святого Станислава под торжественное гудение органа Александр Нарбут и Изабелла Олехновская поклялись быть вместе в болезни и здравии, бедности и богатстве, в горести и счастье – до того часа, пока смерть не разлучит их...

Славута переживал личную драму очень болезненно, поклявшись во что бы то ни стало отомстить и более счастливому сопернику, и отвергнувшей его красавице. На пиру у магнатов Глябовичей в Заславле Славута колкой шуткой задел самолюбие Нарбута, а когда тот ответил оскорблением, вызвал соперника на бой. В поединке на саблях Славута оказался сильнее – уверенным движением парировав выпад противника, он нанёс скользящий удар по правому плечу – Нарбут, обливаясь кровью, отступил, его рука выронила саблю. Славуте оставалось нанести последний, решающий удар – но при виде истекающего кровью соперника чувство мести исчезло, уступив раскаянию. В тот же день Славута покинул Заславль, а уже через неделю вступил в посполитое рушение, где сделал головокружительную карьеру, и по протекции гетмана Винсента Гонсевского занял должность польного писаря.

А над Речью Посполитой сгушались тучи: войска Велико-го Княжества Литовского терпели одно за другим поражение от московских воевод, войска московитов взяли Менск, Ковно, Городно, а российский царь Алексей Михайлович, заняв столицу Великого Княжества Вильну, объявил себя Царём и Государем Всея Великая, Малая, Белая Руси, Великим Князем Литовским. Из-за династических распрей между двоюродными братьями, польским королём Яном Казимиром и шведским королём Карлом Густавом, Швеция объявила войну Речи Посполитой, и вскоре синие знамёна с тремя золотыми коронами взметнулись над Гнезно и Плоцком, Люблином и Сандомиром, Варшавой и Краковом.

В который раз Речь Посполита раскололась – возникли шляхтецкие конфедерации, отстаивающие интересы магнатов. Шляхтецкая группировка во главе с Янушем Радзивиллом стояла за то, чтобы признать власть Карла Густава, Павел Ян Сапега и Михаил Казимир Пац оставались верны Яну Казимиру, а Винсент Гонсевский всё больше склонялся к мысли о том, что прочный мир между Великим Княжеством Литовским и Великим Княжеством Московским возможен только на основе личной унии под скипетром Государя Всея Руси, и вступил в тайные переговоры с Москвой. Вся корреспонденция польного гетмана проходила через Славуту. Гонсевский заручился поддержкой со стороны королевы Луизы Марии Гонзаго, предложившей в качестве преемника Яна Казимира царевича Алексея Алексеевича с условием,

что того женят племяннице Яна Казимира, дочери Филиппа Вильгельма Нейбургского. Вскоре переговоры перешли в открытую фазу: в Кайданово приехал боярин Артамон Матвеев, а Гонсевский получил поддержку сейма и был избран депутатом для заключения трактата с русским царём. Вскоре в Вильне был подписан договор, по которому Речь Посполита соглашалась на элекцию царя уже на ближайшем вальном сейме но при условии, что коронация Алексея Михайловича произойдёт только после смерти Яна Казимира.

Однако этим планам так и не удалось реализоваться: получив свободу рук на востоке, польские войска смогли вытеснить шведов, затем умер Богдан Хмельницкий, передавший булаву слабому душой и разумом сыну Юрию, а сместивший Юрия Иван Выговский заключил унию с Речью Посполитой. Это позволило радным панам отказаться от достигнутых договорённостей: под предлогом, что королём Польши может быть только католик, а царь московитов является схизматиком, магнаты разорвали прежние договорённости. Российские войска вновь возобновили военные действия – под Вильно хоругви Гонсевского потерпели страшное поражение от войск князя Долгорукого. В этой битве польный гетман литовский и его писарь попали в плен. Вначале они были перевезены в Смоленск, затем в Москву, где провели четыре года. В Москве именитые пленники пользовались относительной свободой, благодаря чему Гонсевский не перестал плести интриги, обещая российскому государю под-

держку при избрании на престол Литвы. Славута же отошёл от дел – случай свёл его с Татьяной, стрелецкой сиротой, воспитывающейся у дальнего родственника. У неё не было яркой красоты Изабеллы, не было серебряного смеха, не было лучезарной улыбки – наоборот, возможно, неказистее, смиреннее и безответнее существа не было на земле. Но сострадание, бросившее семя в душу Славуты, породило чувство, заставившее его забыть об Изабелле. И так как приёмная семья Татьяны желала побыстрее избавиться от лишнего рта, Славуте не составило большого труда добиться согласия на венчание.

Кастелян закрыл глаза и вспомнил кривую улочку в Напрудной слободе, небольшую покосившуюся избушку, в которой несколько лет никто не жил, купленную им за полтора рубля, старый колодец с журавлём, раскидистые яблони. А затем, заслонив всё это, перед глазами встало обрамлённое иссиня-чёрными волосами лицо жены. И не было для него прекраснее облика, эти большие печальные глаза, нос с небольшой горбинкой, полные, чуть потрескавшиеся губы.

Но семейное счастье длилось всего два года – до того часа, когда моровое поветрие унесло Татьяну в могилу, и Славута остался один в чужом и враждебном городе. Так как между Речью Посполитой и Русским Государством к этому времени было подписано перемирие, Славута, не раздумывая, вернулся в Литву...

На башне раздался бой часов, вернувший кастеляна в

настоящее время. Славута спрятал чернильный прибор в шкаф, закрыв его на ключ. Однако уходить не хотелось – библиотека словно невидимыми узами удерживала Кастеляна внутри себя. Кастелян прошёл вдоль гигантских резных шкафов, затем открыл дверцу и наугад вынул книгу – на тёмном кожаном переплёте блестела тиснёная надпись: “O jedności kościola Bożego pod jednym pasterżem i o grzęckem od tei jedności odstapieniu”. [6] Славута открыл фолиант в месте, заложённой красной бархатной закладкой и прочитал: «...и не было ещё на свете и не будет ни одной академии, коллегии, где бы теология, философия и другие освобождённые науки другими языками изучались и понимались. Со славянским языком нельзя сделаться учёным. На этом языке нет ни грамматики, ни риторики, да и не может быть. Именно из-за славянского языка у православных нет иных школ, кроме начальных, для обучения грамоте. Отсюда общее невежество и заблуждение».

На полях напротив фразы чернела аккуратная маргиналия “SIC!” [7].

Славута раздражённо захлопнул книгу. Чья рука водила пером, оставляя на бумаге короткое латинское слово, исполненное непомерной гордыни, холодного цинизма и откровенного презрения к его земле, его языку, его народу?

Кастелян огляделся вокруг. Стройными рядами стояли сочинения на латыни, польском, немецком, испанском, итальянском – но нигде не было сочинений на русском языке.

Лишь в дальнем углу, где стояли самые старинные книги, хранились творения рук Франциска Скорины, Ивана Фёдорова, Симона Будного... Славута открыл резную дверцу и взял одну из книг – поднялась и осела пыль, с тихим хрустом открылись листы...

«Дана есть книга, рекомая Иудифь, с помощью Бога в Троице единого, и Матери Его Пречистой Девы Марии, людям посполитым русского языка и пожитка, по велению, делу и выкладу учёного мужа в лекарских науках доктора Франциска Скорины из славного града Полоцка, в великом месте Пражском, лета по нарождению нашего Спасителя тысяча пятьсот и девятого на десять месяца февраля дня девятого...».

Кастелян бережно перелистал книгу – в середине находился пожелтевший лист бумаги, исписанный коричневыми, выгоревшими от времени чернилами. Славута вынул лист, после чего поставил книгу обратно на полку, забрал рукопись, запер библиотеку и направился в свои комнаты, расположенные на втором уровне, прямо под покоем княгини.

Здесь не было той ненужной роскоши, которая буквально заполняла верхние покои. Неровный каменный пол устилал истёртый турецкий ковёр с причудливым красно-жёлтым орнаментом. У небольшого окна был установлен широкий дубовый стол, рядом стояло кресло, покрытое медвежьей шкурой. Рядом стояла широкая лавка, покрытая овечьим тулупом, нередко служившая кастеляну постелью. У изголо-

вья находилась печь, облицованная бело-голубыми изразцами. На стене над лавкой были развешаны ятаганы, длинноствольные пистолы, фузии – свидетели былой славы постоянно напоминали кастеляну о годах его молодости, о близких людях, растворившихся в мире, а иных – ушедших навсегда.

На противоположной стене висел огромный выцветший гобелен с изображением сцены охоты – в одном углу скакали олени, в другом – охотники с псами. Мало кто знал, что гобелен скрывает дверной проём, через который можно было пройти на лестницу, ведущую в подвал, откуда кастелян мог беспрепятственно попасть в любую башню замка. Впрочем, потайная дверь почти всегда была заперта на массивный засов, и пользовался ею Славута только в исключительных случаях.

В дальнем углу стоял массивный, обитый позеленевшей медью сундук. Что именно хранилось в нём, никто посторонний не мог знать – крышка запиралась на замок с двумя ключами, отпирать которые нужно было в определённом порядке. Кастелян вынул связку с тремя ключами, по очереди отомкнул оба замка, открыл крышку и по очереди принялся вынимать и ставить на стол содержимое сундука: старинную саблю в серебряных ножнах – наследство отца и деда – клинок был выкован из дамасской стали, позолоченная гарда, украшенная изящной финифтью, выполнена в виде дубового листа, с золотым гербом «Гипоцентавр» на эфесе; серебряные чернильницу, стаканчик для перьев, нож, песочницу

– письменный набор, дар княгини Катажины Радзивилл.

Затем на свет явился деревянный ларец. Славута не смог удержаться от искушения открыть его – там хранился инкрустированный перламутром пистолет, а также необходимые принадлежности: пороховница, приспособление для литья пуль, кусок свинца, высечка для вырубки пыжей, молоток для забивания шомпола и сам шомпол.

Последней кастелян достал длинную золотую шкатулку, захваченную в качестве трофея под стенами Вены в 1683 году. Открыв ажурную, инкрустированную крупными изумрудами крышку, кастелян вынул фирман султана Оттоманской империи Мехмеда IV великому визирю Каре Мустафе. Славута развернул свиток и на несколько секунд задержал взгляд на нём, словно пытаясь прочесть причудливую арабскую вязь.

Сундук опустел. Сняв нижнюю доску, Славута открыл потайной ящик. Третьим ключом кастелян отпер ещё один замок, выдвинул ящик и бережно уложил в него свою рукопись, после чего уложил все предметы в обратном порядке и запер замки.

Подойдя к столу, на котором стояли два подсвечника, бронзовый колокольчик и длинная турецкая трубка, добытая в одном из походов, Славута положил бумаги, найденные в библиотеке. В этот момент за стеной слышались мужские шаги, и кастелян погасил свечу – то была привычка, выработанная за годы военных походов.

В дверь постучали, и в комнату вошёл Януш.

– Пан кастелян, может быть, я до рассвета подменю вас...

– Не надо, – Славута вновь запалил свечу, ножом расщепил наконечник пера и обмакнул его в чернильницу. – Можешь отдохнуть.

– Но вы третий день в карауле...

– Если понадобится, вызову. Пока ступай.

Племянник вышел.

Славута поставил в чернильницу перо, и аккуратно положил на стол пожелтевший ломкий лист. От времени буквы выцвели, бумага потемнела, и прочитать что-нибудь было трудно. Тем не менее, кастелян разобрал несколько слов: “Anno Domini MDXXXI... Sofia Novicka... supplicium...” [8].

Софья Новицкая... Кастелян вспомнил, что однажды историю про эту женщину ему рассказала княгиня Радзивилл.

После смерти основателя Мирского замка Юрия Ильинича его сыновья – Николай, Ян, Станислав и Щасный – переругались из-за отцовского наследства. В дело пришлось вмешаться королю Сигизмунду Старому, который оставил Мирский замок за Станиславом. Вскоре умер старший брат Николай, а вслед за ним наступил черёд Станислава, который скончался прямо во время пира. Братья умершего, Ян и Щасный, обвинили в смерти Станислава жену его собственного слуги, Софию Новицкую. Несчастливая женщина была подвергнута пытке, после чего приговорена к со-

жжению заживо, приговор лично привёл в исполнение Щасный Ильинич. Однако после казни Новицкой словно злой рок стал преследовать род Ильиничей: братья снова рассорились из-за наследства, и опять для разрешения семейных дразг понадобилось вмешательство короля. Сигизмунд своим привелеем оставил замок за Щасным, а остальные земли – за Яном. Однако Ян Ильинич вскоре покинул этот мир, затем наступил черёд Щасного, у которого от супруги – Софьи Радзивилл – остался малолетний наследник – сын Ежи. Десятилетнего мальчика взял под опеку родной дядя князь Ян Радзивилл.

Казалось, древний род вновь обретал былое могущество: Ежи Ильинич стал одним из самых влиятельных магнатов Великого княжества Литовского, его земельные владения соперничали с владениями Радзивиллов, Сапег, Острожских, Глябовичей, и самый могущественный монарх мира – император Священной Римской Империи Карл V – возвёл Ежи Ильинича в графское достоинство, пожаловав ему титул «графа на Мире». Но Небеса оказались неумолимы и новоиспечённому графу Священной Римской империи: в самом расцвете лет он покинул этот мир, не оставив наследника. Все владения Ильиничей, включая Белую и Мир, перешли к I-му ординату несвижскому Миколаю Кристофу, увеличив и без того обширные владения Радзивиллов...

Славута спрятал рукописи, погасил свечу и растянулся на лавке, но сон не приходил.

Была ли Новицкая действительно виновна? Славута уже не сомневался: женщина стала жертвой обстоятельств, а магнаты обрекли её на роль пешки в большой игре. Но, манипулируя чужими судьбами, сильные мира сего сами стали безвольными игрушками в руках судьбы, которая сводила в могилу одного за другим отпрысков рода, и те, подобно свечам, угасали до тех пор, пока не угас сам род. Можно подкупить судью, можно запугать свидетелей, можно убежать за границу – но как подкупить небесное правосудие, запугать собственное прошлое, убежать от будущего?

В окно стучали крупные капли дождя. Заунывно выл ветер в печной трубе. Сквозь плотную серую пелену пробивался тусклый утренний свет.

Глава VI. Прах к праху, земля к земле

Дождь над Миром шёл всю ночь и всё утро. К полудню земля раскисла и превратилась в грязное месиво. Сырой пронизывающий ветер трепал влажную листву на деревьях.

Проводить Наталью в последний путь пришли вдовствующая княгиня, кастелян, Януш, пани Эльжбета, горничные Стефания, Агнешка и Богдана, кухарка Кристина.

Земля уже разверзла могильную пасть, чтобы поглотить человеческое тело. Бледные черты лица покойницы заострились, отчего лицо казалось чужим и незнакомым. Карие волосы были аккуратно расчёсаны и уложены по бокам. На го-

лову чьей-то заботливой рукой был возложен венчик из белых цветов. Два могильщика терпеливо ждали, пока священник церкви Святой Троицы отец Василий отпевал усопшую. По краям гроба, слегка потрескивая, горели свечи, запах ладана и воска смешивался с запахом влажной земли, к которому примешивался тонкий аромат распускающихся лип.

Катажина, склонив голову, молча смотрела на тело девушки, слишком юной, чтобы уходить в землю. Пани Эльжбета, постоянная спутница княгини, подобно тени, стояла за её спиной, по её внешнему виду было видно, что она пришла на похороны лишь для того, чтобы не оставлять Катажину без своего присутствия. Горничные и кухарка стояли, прижавшись друг к другу, страдая от сырого холодного воздуха. Кастелян занял место чуть поодаль, у старой берёзы, время от времени бросая взгляды на окружающих, словно пытаясь понять, чья рука из числа присутствующих могла нанести роковой удар.

Над сырою, пропитанной дождевой влагой землёю, разносился густой голос священника:

– Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей. Прости ей все прегрешения, вольные и невольные, и даруй ей Царствие Небесное...

Наконец, после непродолжительной панихиды гроб был опущен в наполненный водой зев могилы. Отец Василий посыпал крестообразно гроб землёю и прочёл:

– Господня земля и исполнение ея вселенная, и вси живу-

щие на ней!

Подойдя к могиле, Катажина бросила ком слипшейся земли, её примеру последовали остальные. Затем за лопаты взялись могильщики, и вскоре на кладбище вырос небольшой бугорок с небольшим деревянным крестом, отмечающий место окончания земного пути ещё одного человека.

Отпустив свиту, княгиня пошла в сопровождении кастеляна и пани Эльжбетой по кладбищу. Тропинка петляла вокруг почерневших и покосившихся деревянных крестов, а то и просто безымянных холмиков, заросших густой травой. На православном погосте Мира не было ни монументальных гранитных изваяний, ни отделанных итальянским мрамором фамильных склепов – здесь упокоились те, кто, орошая землю собственным потом, растил на ней хлеб, чтобы затем уйти в ту же самую землю. И кости каждого последующего поколения перемешивались с костями поколения следующего – до того часа, когда трубный зов должен призвать всех людей, живых и мёртвых, на Страшный суд.

Славута, зная привычки и характер княгини, ожидал, пока собеседница первая начнёт разговор, однако Катажина, погружённая в мысли, хранила молчание. Несколько раз кастелян бросал осторожные взгляды – казалось, княгиня стала меньше ростом, и её лицо приобрело какой-то нездоровый жёлтый оттенок. Несколько раз она останавливалась, придерживаясь за правый бок, после чего продолжала идти, преодолевая недомогание.

Наконец спутники дошли до большого каменного креста, расположенного на краю кладбища. Спутники перекрестились: кастелян – справа налево, тремя перстами, Катажина и Эльжбета – слева направо, всей ладонью.

Невдалеке кукушка начала отсчёт чьих-то лет. Катажина вслушалась в размеренные звуки, доносящиеся из лесной чащи. Наконец, кукушка смолкла. Княгиня и кастелян направились к воротам кладбища. Пани Эльжбета, шедшая впереди, уже скрылась за деревьями.

– Пан Славута, прошу понять меня правильно, – Катажина, наконец, нарушила молчание. – Преступление должно быть раскрыто, а виновный – понести кару. Однако хочу заметить, что мне не хотелось бы, чтобы результатом расследования стали политические осложнения.

Славута молча наклонил голову.

– Я прошу вас докладывать о каждом выводе, к которому пришло следствие. Убийца, скорее всего, до сих пор находится в моём доме. Это первое. Теперь второе. Сегодня придёт эконо́м, я попрошу принять отчёт.

– Слушаюсь, пани.

– Что нового произошло за ночь? Агнешка, я видела, вернулась из Ишкольди. Но Барбара на завтраке не появилась.

– Сапежанка осталась в Ишкольди, при кляштаре.

– Вольно же ей носиться, – Катажина пожала плечами. –

Письма приходили?

– Да, пришло письмо от князя Доминика.

– Интересно, интересно...

Кастелян улыбнулся – он знал, что князь Доминик Миколай Радзивилл, будучи не в ладах с Яном Собесским, получил пост великого канцлера литовского наперекор воле короля. Несмотря на непростые отношения между монархом и великим канцлером, Катажина поддерживала с последним тесные отношения, причём нередко великий канцлер делился с княгиней важной информацией.

Спутники уже подошли к воротам, как вдруг Княгиня громко вскрикнула – тропинку преградила нищая безобразная старуха: седые грязные волосы спадали рваными космами и смешивались с лохмотьями рубища, в прорехах которого было видно давно не мытое тело.

Откуда она появилась, кем она была раньше, как её звали – этого в Мире никто не знал. Иногда она на несколько месяцев куда-то исчезала, а затем вновь, словно из-под земли, появлялась, пугая внешним видом суеверных обывателей: грязная, оборванная, она ходила, то бормоча что-то нечленораздельное себе под нос, то выкрикивая чужим, хриплым, нечеловеческим голосом ругательства и проклятия. Стоило ей появиться на базаре, люди старались уйти в другие ряды, лавочники прятали товар, матери телом закрывали детей. Впрочем, были и те, кто привычно спешил по своим делам, словно не замечая безобразной нищенки,

– Человек есть прах, прах есть земля, – надрывным хриплым голосом воскликнула нищенка, потрясая левой рукой,

в которой была зажата какая-то палка. – Прах к праху, земля к земле, – старуха вытянула правую руку в направлении княгини. – Моё!

Катажина с безгловым ужасом смотрела на грязный крючковатый палец с длинным, почерневшим, растрескавшимся ногтем, устремлённым прямо на неё.

Неизвестно, что бы произошло, если бы на помощь не пришёл кастелян – он сделал шаг вперёд и, заслонив княгиню, положил руку на эфес сабли.

– Моё! – повторила старуха, обеими руками переломив палку, словно судейский жезл. Кастелян выхватил из ножен клинок. Лицо старухи исказилось, подбородок затрясся, бессмысленные глаза закатились, она попятилась назад и упала в высокую траву.

– Уйдём, уйдём, – умоляюще прошептала Катажина. Кастелян левой рукой сжал правую ладонь княгини, правой обнял за талию и повёл прочь. Эльжбета, боясь отстать, семенила рядом.

– Моё! – за спиной в третий раз каркнула нищенка, погрозив иссохшим, костлявым, но страшным в своём безобразном бессилии кулаком, в котором были зажаты обломки. Славута почувствовал, как спутница теряет равновесие, и, ускорив шаг, почти вынес Катажину из ворот погоста, где их ожидала ни о чём не подозревавшая Эльжбета.

– Ваша милость, что случилось? – захлопотала она вокруг княгини. – Вам стало плохо?

– Всё хорошо, всё пройдет... – Катажина с видимым облегчением опёрлась на плечо придворной дамы и сделала несколько шагов, но вскоре силы окончательно покинули Катажину – её дыхание стало прерывистым, она опустилась на траву и неожиданно разрыдалась. Кастелян, не зная, что делать, подал руку спутнице, однако княгиня и бросила на собеседника холодный уничижающий взгляд. Краска досады отразилась на щёках – она, княгиня Радзивилл, сестра короля Польского и великого князя Литовского, вторая дама Речи Посполитой, позволила себе раскиснуть перед каким-то безвестным шарачком, да ещё в присутствии придворной дамы.

Решительным движением княгиня отстранила кастеляна.

– Прошу не забываться, пан Славута.

Кастелян, сжав губы, сделал шаг назад и застыл в холодно-почтительной позе.

Гордыня, на мгновение затопившая разум, схлынула, как сходит вода при отливе – и Катажина вновь почувствовала себя слабой и одинокой женщиной. Да гори огнём все титулы, короны, гербы, если рядом простого человеческого понимания.

– Да что случилось? – не унималась Эльжбета. – Пан Славута, я побуду с княгиней, а вы отправляйтесь за каретой и лекарем...

– Ничего не надо... – Катажина ослабила шнуровку на вороте платья. – Просто та старуха... она напугала меня...

– Какая старуха? – Эльжбета склонилась над княгиней.

– Та нищая старуха... – выдохнула из себя Катажина. – На кладбище...

– Какая старуха? – переспросила Эльжбета, после чего перевела удивлённый взгляд на кастеляна.

– Разве вы её не встретили? – спросил Славута.

– Никого не было.

Княгиня и кастелян обменялись взглядом, после чего Катажина, опираясь на руку кастеляна, поднялась с травы.

– Пан Славута, проводите нас до костёла. А потом ступайте.

– Вы уверены? Я могу подождать.

– Нет, нет, мы придём сами.

Через Слуцкую браму спутники вошли в местечко, где их пути разошлись: Славута повернул направо, к церкви Святой Троицы, Катажина и Эльжбета – налево, к костёлу Святого Миколая Чудотворца.

Людей на утренней мессе было немного. Войдя в костёл, княгиня преклонила колени, перекрестилась, прошептала: “In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen” [], и заняв место не возле алтаря, как обыкновенно, а поодаль, в левом нефе.

Ксёндз читал: “Sanctus, Sanctus, Sanctus Dominus Deus Sabaoth Pleni sunt caeli et terra gloria tua. Hosanna in excelsis. Benedictus qui venit in nomine Domini. Hosanna in excelsis” [10]. Облачённые в белые одежды мальчики, стояв-

шие возле алтаря, звонили в колокольчики, подавая знак, когда миряне должны встать на колени. Ещё один плебан кропил прихожан святой водой.

Княгиня подошла к подсвечнику, на который установила семь свечей – в память о своих детях, покинувших этот мир.

Из всех детей Катажины в живых оставались только самые младшие дети от обоих браков – Теофилия Людовика, ставшая княгиней Любомирской, да Кароль Станислав Радзивилл, князь на Несвиже и Олыке, ординат несвижский.

Тридцать лет назад на свет появился её первенец, плод греховной любви с князем Дмитрием Вишневецким. Несмотря на то, что рождение ребёнка произошло всего месяц спустя после венчания Катажины с князем Владиславом Домиником Заславским-Острожским, супруг признал своё отцовство. Ребёнок при крещении был наречён Александром Янушем. Затем в браке родилась дочь Теофилия Людовика. Казалось, семейному счастью юной княгини ничто не угрожает – однако после рождения дочери князь Владислав Доминик неожиданно скончался.

Брак со вторым мужем князем Михаилом Казимиром Радзивиллом принёс семерых детей. Вначале родился здоровый Николай Франциск, затем – слабоумный Богуслав Кристоф. Трое других детей – Текла Адела, Ян и Людовик – умерли во младенчестве. Наконец, родились сыновья Ежи Юзеф и Кароль Станислав.

Ещё двадцать лет казалось, что род князей Заславских

и несвижская ветвь Радзивиллов дали достаточно молодых отрошков. Однако судьба решила иначе: вначале скончался болезненный Богуслав Кристоф, спустя год – Николай Франциск, затем из Острога пришла весть о смерти Владислава Доминика. А три года спустя крипта несвижского костёла Тела Господня приняла бездыханное тело Ежи Юзефа...

Огоньки свечей трепетали, словно стараясь оторваться и вознестись куда-то вверх. Уже смолкли звуки органа, стали расходиться прихожане, а княгиня, не двигаясь, стояла на коленях – её дрожащие губы беззвучно двигались, но глаза оставались сухими.

Наконец Катажина сотворила крёстное знамение и, никем не узнанная, в сопровождении пани Эльжбеты покинула костёл.

Глава VII. Алая шёлковая накидка

В замке Катажина спросила, вернулся ли кастелян – Славута уже находился в библиотеке, где слушал доклады войта и эконома. При виде княгини паны склонили головы в поклоне. Катажина, ответив на приветствие коротким кивком, опустилась в кресло.

Четыре года назад Славута, сославшись на занятость, отказался от поста эконома, сохранив за собой должности возного и кастеляна. После некоторых колебаний Катажина по рекомендации кастеляна назначила на освободившуюся

ся должность престарелого шляхтича Мартина Гротовского, более похожего на святого отшельника, чем на эконома. Тем не менее, княгине ни разу не пришлось сожалеть о сделанном выборе – этот седой благообразный старец крепко держал в своих цепких руках всех арендаторов Мирского графства.

– Куплено железа пять слитков, всего сто двадцать фунтов. Расход железа: слесарю Слуцкому слиток весом в три фунта на лужение замков. Кузнецам Даниле и Зурке для ремонта круглой печи и дымохода – пять фунтов. Прочие слитки сложены в склад. За вставку стёкол стекольщику Дмуховскому и Мальке Гиршу выдано двадцать грошей. Гончару Дзядзичке за кувшины, иную утварь для кухни выдано сорок грошей. Маляру Турецкому за покрас ограды погоста выдано пятнадцать грошей. На цагельне в Бирбаше готова партия кирпича, нужно шесть подвод. И в Свержене готова известь.

Славута, заложив руки за спину, расхаживал вдоль стены.

– Пошли подводы вначале в Свержень, затем в Бирбашу. Новая черепица готова?

– Пока нет.

– Пошли в Карпову Луку, поторопи их. Что ещё?

– От молдавского господаря пришёл обоз с вином. Всего сорок восемь бочек.

– Половину оставить здесь, остальное отправить в Несвиж.

Эконом на секунду замялся. Кастелян остановился и с

прищуром посмотрел на докладчика.

– Что ещё?

– Одна бочка пустая. Дно протекло. Возчики божатся, что сами не знают, как это случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.